



ДОМ КАК СТРУКТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАЗАНСКИХ МЕЩАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Т.В. БЕССОНОВА

*Набережночелнинский
институт Казанского
федерального университета*

e-mail: bessonovatv@list.ru

Статья посвящена изучению дома казанского мещанина как среды обитания, в которой реализовывались повседневные жизненные практики. Анализ материального окружения казанского мещанства позволяет изучить бытовое поведение как сферу воплощения культурных кодов, отражающих нормы и ценности данного сословия. Отдельное внимание уделено вопросу пересечения приватной и публичной сторон жизни горожанина дореформенной России, отражающейся в структуре домового пространства. Исследование мещанского домовладения как структуры повседневности показывает, что дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Одновременно наблюдаются новые веяния, постепенно приближающие мещанский дом к дому горожанина индустриальной эпохи.

Ключевые слова: мещанство, повседневность, образ жизни, домовладение, частная и публичная жизнь.

История российского мещанства является одной из тем, активно изучаемых отечественной наукой в последнее десятилетие. Являясь массовым слоем рядового городского населения, мещанство не пользовалось повышенным вниманием традиционной социальной истории. Антропологический поворот в исторической науке позволил заново прочесть источники и сконцентрировать внимание на человеке в истории, показать малый жизненный мир как пересечение макропроцессов в конкретно-историческом проявлении. Человек прошлого перестал быть абстрактной моделью, он стал исторической реальностью, преломляющей в своем внутреннем мире современную ему эпоху и одновременно участвуя в процессе ее трансформации.

Реальность существования человека отражается в вещах. Мир вещей – та среда обитания, которая формируется человеком в процессе его повседневной жизни и отражает социальную и национальную идентичность, ментальные установки, эстетические приоритеты. Концентром вещного, предметного мира человека является дом – жизненное пространство, формируемое человеком в заданных исторических условиях, в котором осуществляются стратегии поведения, реализуемые в повседневной жизни. Анализ материального окружения человека, им созданного, накопленного и сбереженного, позволяет осознать бытовое поведение как сферу воплощения скрытых культурных кодов, отражающих нормы и ценности целого общества, о чем одним из первых в отечественной науке писал Ю.М. Лотман¹.

Подобные культурные коды сложились в типичные образы боярских хором, дворянской усадьбы, крестьянского двора. Устойчивые культурные определения получил и мещанский быт. С легкой руки А.И. Герцена термин «мещанство» приобрел внесловное, этическое значение, что было подхвачено русской литературой и воплощено в ярких и хлестких оценках. «Мещанство – это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа», – писал вслед за А.И. Герценом Р.В. Иванов-Разумник². Применяя термин в двух смыслах, узком сословном и широком этическом, А.И. Герцен подчеркивал, что первое значение является только частным случаем второго, распространяя мещанство как этическую характеристику на самые широкие слои населе-

¹ Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. С.248-268; Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. 296-336.

² Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1907. Т.1. С. 15.



ния³. И все-таки показательно, что для универсального понятия, обозначающего весь комплекс зарождающейся массовой культуры - усредненной, безличной, потребительской - было использовано определение именно мещан. Сконструированное властью как «средний род людей», мещанство являло собой массовую группу городских обывателей, образ жизни которых был наиболее типичен для городского населения. Не случайно сам термин «мещанин», использованный Екатериной II для обозначения новой сословной группы, понимался современниками как «местный житель», «горожанин вообще». Разъясняя слово «мещанин» во Французском лексиконе, переведенном на русский язык Сергеем Волчковым в 1785 г., автор, переводя с французского *le bourgeois* как «Bürger», приводит пример употребления в немецком языке: «*Er ist sein und euer Mitbürger*» – «он с тобою и с ним одного города мещанин, житель, земляк». Приводимые примеры фразеологических оборотов еще более уточняют смысл понятия: «*Er lebt und redet burgerlich* (нем.), *il vit, il parle bourgeoisement* (фр.) – живет и говорит по-посадски, попросту, как обыкновенно»⁴.

Мещанство стало синонимом обыденности, обычности, которые при эмоционально-экспрессивном окрашивании приобрели значение обывательщины, выраженной в материальной культуре. «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизис парижанина» - писал, путешествуя по Европе, Ф.М. Достоевский в «Зимних заметках о летнем впечатлении»⁵. Так было определено одно из главных качеств мещанского образа жизни – вещизм, активно обличаемое в советские времена. На другое качество – эстетическую примитивность и вульгарное украшательство - обращал внимание А.И. Герцен: «Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни художественного вкуса»⁶.

Литература и публицистика второй половины XIX – начала XX вв. содержат массовые примеры, подтверждающие точность приведенных характеристик, тогда как образ жизни мещан дореформенной России привлекал гораздо меньше внимания. А ведь именно к началу XIX в. завершился процесс формирования данной сословной группы в юридическом, экономическом и социокультурном смысле, сложилась мещанская идентичность. Мещанин являл собой типичного горожанина, носителя городского образа жизни. Создание мещанства было практикой оформления городского гражданства, отличного от дворянства и крестьянства, а принадлежность к мещанству осознавалась как достойная характеристика. Так, в конце XVIII в. в России вышла переводная книга по военно-морскому делу, эпиграф к которой имел символическое звучание:

«Дворянства не хочу в свой век я получить,
В мещанстве я рожден, хочу в мещанстве жить!
Дворянства же купя, свой промысел забудешь,
Ни рыба ты, ни мясо будешь»⁷.

Уважительное отношение к мещанину звучит и в «Моей родословной» А.С. Пушкина. Противопоставляя себя «новым русским аристократам», подчеркивая длительное историческое бытование своего рода, поэт называет себя мещанином, самостоятельно и достойно зарабатывающим себе на жизнь:

«Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин»⁸.

³ Герцен А.И. Концы и начала [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/ger_konnach.php.

⁴ Французский лексикон, содержащий в себе все слова французского языка... с немецкими и латинскими, переложенный на российский язык Сергеем Волчковым. Ч.1. СПб., 1785. С.191.

⁵ Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях. Л., 1982. С. 407.

⁶ Герцен А.И. Концы и начала...

⁷ Баренбаум И.Е. Перевод и издание французской книги по военному и морскому делу (вторая половина XVIII века) // Научная книга. 2004. №24 (2004/2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.naukaran.ru/sb/2004_2/14.shtml.

⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959-1962. Т. 2. С. 330.



Изучение повседневной культуры казанского мещанства позволит соотнести клише мещанского образа жизни с реальными обыденными практиками и воссоздать систему ценностей дореформенного мещанина, наиболее близкого по духу той идеологии, которую вкладывала в мещанство Екатерина II. Исследование мещанской повседневности интересно и тем, что само мещанство – символ обыденности, обычности, оно культивировало ценности повседневной жизни маленького человека. Эта жизнь протекала в условиях перехода России к индустриальному обществу. Исследование материальной среды, создаваемой мещанством, позволит понять, насколько глубоко модернизационные процессы затронули городское население, и в каких формах были воплощены.

Средой обитания человека, в которой реализовывались его повседневные стратегии жизни, является дом – связующее звено в картине мира. «Строя себе дом, — писал И.А. Ильин, — человек создает себе оплот телесного существования и средоточие духовной жизни, он устраивает себе лично-интимный угол на земле, свой священный очаг, как бы свое внешнее я»⁹. Наиболее ценными источниками для изучения мещанской бытовой культуры являются описания имущества, составленные при переходе домовладения в опекуновское управление, а также по случаю распродажи имений несостоятельных должников. Данные документы сосредоточены в разных фондах Национального архива Республики Татарстан – фонде Казанской татарской ратуши, городского магистрата, русского и татарского сиротского судов. Источники содержат детальное описание движимого и недвижимого имущества мещан с указанием количества, стоимости и качественного состояния. Основой имущественного благосостояния был дом, он осознавался как надежное и устойчивое убежище, фундамент бытия – этим объясняется пристальное внимание к характеристике дома. Описания имущества подробнейшим образом перечисляют, из каких материалов сделаны стены, двери, пол и потолок, сколько в доме окон, печей, дверей, лестниц. Детально описаны двери «плотницкой работы на петлях и крючьях железных», окна с двойными рамами на болтах, заслонки и вьюшки на печах.

Само владение собственным домом было для мещанина признаком социального престижа и далеко не все мещане были домовладельцами. По именному списку казанских мещан, составленному в 1858 г., из 1527 мещанских семей владели собственными домами только 352 мещанина, что составляет всего 23%¹⁰. Характерно, что все источники говорят о мещанском доме, иногда – о флигеле, но никогда об избе, это подчеркивает городской характер жилья. Состояние домов, качество и размеры были существенно различными. Мещанка Катерина Ивойлова в 1826 г. заложила приказу общественного призрения каменный двухэтажный дом с антресолями, крытый железом, «в нем покоев 14, в коих дверей с санными 20, окошек 34 с двойными рамами»; в доме были бревенчатые потолки и штукатуренный пол, а вход во двор был через створчатые ворота на каменных столбах со сводами¹¹. По-видимому весьма престижный дом, приемлемый для проживания дворянского семейства, имел Михаил Синьков, у которого титулярный советник и кавалер Зиновьев снял «в верхнем этаже больших 5 покоев»¹². На другой полюс качества жилья можно поставить имущество Гавриила Петрова, который имел «флигель деревянный одноэтажный с чердаком <...> во флигеле 3 окна без рам, полов и печей в нем нет, в чердаке окно, пол и потолок досчаные и одна русская печь. При них холодные в два этажа сени, нижний этаж сеней в одну сажень вышины забран пластником без пола, а верхний этаж забран тесом, так же без пола и потолка. Все означенное строение крыто тесом <...> и находится в разрушенном и неудобном для жительства положении»¹³.

Мещанское домовладение было средоточием стратегий жизни, определяющих формы повседневного существования и выживания человека той эпохи. «Дом и равным образом основные, т.е. потребительные формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы», – отмечал О.Шпенглер¹⁴. Нередко при доме находились предприятия –

⁹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 279. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 279.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.

¹¹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 361. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 18об.

¹³ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3430. Л. 8-8об.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 432-433.



так, во дворе уже упоминавшейся Ивойловой было 2 мыловаренных завода, каменная палатка и жировой склад. Мещане Зайцевы обладали внушительным дворовым местом в 476 квадратных саженой и выстроили две кожевни с девятью и семью чанами, дубильней и сушильней, помимо них во дворе были вмурованы два котла с кирпичным очагом. Значительная часть мещан занималась мелкой торговлей и хранила в домах необходимые для нее приспособления. Так, в имуществе Муссы Максютова описано 16 чугунных гирь разного веса, а также два вида весов со скалами¹⁵. Козьма Липин пользовался двумя медными безменами, весами со скалами и железными цепями, многочисленными чугунными гириями¹⁶.

Практически все мещане-домовладельцы имели лошадей и собственные средства передвижения, об этом говорят как постройки, так и характерные вещи. Конюшня с тремя стойлами и каретный сарай были у Ивойловой, лошадь, конская упряжь и двои катывые сани – у вдовы Абзялиловой¹⁷. Клементий Грязев имел мерина с телегой, хомуты и узду¹⁸, а Козьма Липин выстроил во дворе каретник, в котором стояли дрожки, два ролспуска без колес, сани, дрожки без рессор со всем прибором¹⁹. Мещанин Ягоферов содержал в конюшне гнедого мерина, а в каретнике хранились телега на шиновных колесах²⁰. Мусса Максютов имел несколько повозок, ветхий характер которых подтверждает их активное использование: татарскую тележку на манер дрожек с сиденьем, обитым лакированной кожей, летнюю повозку с откидным верхом, зимнюю повозку с кожаным верхом, простые сани и два резца на полозьях, соответствующую конскую упряжь.

Лошадь была не только тягловой силой для обеспечения бытовых хозяйственных нужд, но и одним из источников дохода мещанина. Так, ежегодно в начале осени в городской думе рассматривались массовые прошения мещан разрешить перевозки товаров с Бакалдинской пристани в Казань и обратно. Перевозом занимались преимущественно мещане-татары, нередко совместно с крестьянами-татарами из Казанского уезда, подчеркивая, что этот промысел – единственный источник дохода «для пропитания бедного нашего семейственного положения и не имея больше никаких средств снискать как оным промыслом»²¹. В зимнее время мещане вели мелкую торговлю зерновым хлебом на Хлебной площади без палаток и балаганов, а прямо с саней²². Существенный заработок давал извоз, особенно во время праздничных гуляний. Одной из казанских традиций было «катание на татарах» во время масленичной недели, когда татары-извозчики катали ездоков из одного конца города в другой²³.

А вот имущество Ахмета Карташева, – две шерстяные попоны, седло с прибором, кожаной подушкой и арапником, хомуты и нагайка, – позволяет предположить, что лошадь им использовалась для верховой езды, в том числе, для охоты. Среди вещей Карташева мы встречаем английское ружье, патронташ, пороховую фляжку и кожаный кошелек для дроби, кинжал, и даже колчан со стрелами²⁴.

Практически все исследователи отмечают существенную роль в жизненном укладе горожан в указанный период сельскохозяйственных занятий. Так, Л.В. Кошман подчеркивает, что в начале 1860-х гг. в 20-ти губерниях Центральноевропейской части России и Поволжья сельскохозяйственные занятия отмечены более чем в 2/3 городов²⁵. Однако для Казани это нехарактерно. Как отмечала специальная комиссия, основываясь на сведениях из казанской городской думы, «жителей, занимающихся сельскими промыслами, в Казани весьма немного... Таких лиц только 142, из которых 139 душ приписаны к мещанскому обществу, а 3 души к цеховому. Земли для обработки они нанимают у крестьян в ближайших к городу селениях»²⁶, это притом, что мещан в городе насчитывалось 9816

¹⁵ НАРГ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

¹⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 361. Л. 66.

¹⁸ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 553. Л. 50

¹⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

²⁰ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

²¹ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 436. Л. 191.

²² Там же. Л. 221.

²³ Вишленкова Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Мальшева, А.А. Сальникова. Казань, 2008. С.161.

²⁴ НАРГ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

²⁵ Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. №2. С. 12.

²⁶ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. С. 9.



душ мужского пола и 11955 женского²⁷. Это подтверждается и описанием мещанского имущества. Так, среди анализируемых домовладений только у Ивойловой был коровник, две козы у Абзялиловой, 10 кур и 1 петух у Грязева. Зато в каждом домовладении встречаются обязательные дворовые постройки: амбары и погреба, реже сараи и лабазы. Каждая семья еще сама перерабатывала и запасала на длительный срок необходимые продукты питания и корм для лошадей. У многих семей были огороды и сады, поставившие продукцию, как для личного употребления, так и для продажи. Но в усадьбе Катерины Ивойловой сад, засаженный не только практичными яблонями, но и романтическими акациями и липами, уже выполнял эстетическую функцию.

Внешний вид домов в основном сохранял традиционные черты, характерные для русских городов, что было предметом специального изучения исследователей²⁸. Абсолютное большинство домов были из соснового леса разной степени сохранности, крыты «по лубу драньем», иногда тесом, каменные дома крылись железом. Все дома имели сени и крыльцо. Однако в облике домов можно наблюдать уже новые веяния. Заметным явлением было стремление увеличивать число жилых помещений, как за счет перегородок, так и за счет надстроек. Так, в доме Ивойловой было 14 «покоев», а на втором этаже еще и антресоли. На 6 покоев разгорожен одноэтажный двухсрубный дом Зайцева, жилым помещением был и чердак – там была внушительная комната в три окна и изразцовая печь «голанская». У Ягоферова на первом этаже было 2 комнаты, а на втором – четыре, к дому была пристроена летняя кухня с амбаром, над которой располагался теплый чердак с «галанской» печью. Подобное стремление увеличить число жилых помещений объясняется не столько большой численностью домохозяев в мещанских семьях, сколько активной сдачей жилья внаем, что служило существенным источником дохода мещан. Ягоферов даже выстроил два крыльца, ведущие на второй этаж, что позволяло арендаторам иметь отдельный вход в свои помещения.

К числу новых явлений следует также отнести применение в облике домов модных для того времени архитектурных элементов, самым ярким из которых является венецианское или итальянское окно. Подобное окно было на чердаке дома Петрова, на крыльце, ведущем на второй этаж у Ягоферова, и у него же на втором этаже над амбаром. Согласно словарю архитектурных терминов итальянским называлось арочное полуциркульное окно, разделенное на три части вертикальными перемычками, являющееся характерным элементом архитектуры русского классицизма второй половины XVIII – начала XIX вв.²⁹

Важным элементом повседневной культуры была баня. Если в сельской местности баня была непременным атрибутом каждого деревенского дома, то в городе собственная баня – символ престижа³⁰. Бани строили как русские мещане, так и татары, но они были далеко не у каждого домовладельца, многие пользовались городскими банями. Из рассматриваемых источников видно, что бани ставили те хозяева, которые имели наиболее зажиточные дома. Так, внушительную баню с предбанником, горницей и двумя кирпичными печами имела Ивойлова, баней обладал и владелец двухэтажного дома Липин.

Таким образом, тенденция к уменьшению дворовых построек, связанных с традиционными сельскохозяйственными занятиями, свидетельствует об усилении публичной составляющей жизни, что отмечал в своем исследовании М.Г. Рабинович³¹. Значительно меньше стало сооружений для обработки урожая и содержания скота – сушилен, сараев, коровников; меньше стало ледников, погребов, бань. Одновременно развивается сфера городских услуг, происходит процесс открывания жизни – мещане ходят в трактиры, посещают городские бани, публично моют белье в городском озере. Развивается торговля, что позволило уменьшить необходимость создавать и хранить большие запасы продовольствия. Жизнь становится более многообразной, сложной, наполненной разными действи-

²⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. С.4.

²⁸ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере г. Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977; Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001, и другие.

²⁹ Власов В.Г. Архитектура. Словарь терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/vlasov1.htm>.

³⁰ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города... С.94.

³¹ Там же. С124.



ями, процессами и событиями, так же усложняется и пространство повседневности.

Однако эти явления соседствуют с сохранением традиционной хозяйственно-бытовой замкнутости. Мещанский дом уже не усадьба-крепость, как в средневековье, дом не стоит в глубине двора, а выходит окнами на улицу. Однако во всех упоминавшихся источниках он обнесен как со стороны улицы, так и со стороны двора забором из бревенчатого леса, что отгораживало дом и создавало устойчивое приватное пространство. Все двери снабжены скобами и железными затворами. Окна забраны ставнями, открытие и закрытие которых выполняло важную знаковую функцию разделять утренние и вечерние часы, обозначая время дня и ночи³². Но помимо темпорального смысла ставни были также символом отгороженности дома от внешнего мира, замкнутости и закрытости частной жизни мещанина. Как отмечал Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», «разделенность внутреннего и внешнего пространства, их формальная противопоставленность в социальном плане собственности и в психологическом плане имманентности семьи превращают такое традиционное пространство в нечто замкнуто-трансцендентное»³³. В этом плане организация пространства мещанского двора и дома позволяет говорить о еще значительном сохранении черт традиционной культуры.

Дом находится на границе двух миров – частной жизни и жизни общества, и характер переплетения приватного и публичного отражает социальные структуры своей эпохи. «С одной стороны дом принадлежит человеку, олицетворяет его целостный вещный мир. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»³⁴. Несмотря на стремление закрыть частную жизнь от посторонних глаз, разделение приватной и публичной стороны жизни, характерное для современного человека, еще не произошло. Мещанский дом являлся сосредоточием хозяйственных функций, он был совмещен с производством и иными способами добывания средств к существованию, поэтому публичная и приватная жизнь мещанина были достаточно тесно переплетены. Этот вывод подтверждается структурой домового пространства.

Зонирование внутреннего пространства дома является отражением процесса разделения частной и публичной жизни, когда дом избавляется от хозяйственных функций и становится сосредоточием приватной стороны жизни. Соответственно выделяются зоны, доступные для посторонних, и зоны укромные, где протекала частная жизнь – спальня, кабинет, детская. В описаниях мещанских домов подробно описана внутренняя структура, состоящая из отдельных «покоев», «горниц», но их функциональное предназначение практически нигде не уточняется. Можно предположить, что при всем внимании к мельчайшим деталям дома, эти покои не имели четко закрепленной степени публичности и в доступных источниках мы не встречаем помещений, явно выделенных для частной жизни. Зонирование пространства осуществлялось по утилитарному принципу: источники отмечают наличие сеней, чуланов, мест для приготовления пищи. Последние именовались по-разному: у Клементия Грязева на дворе были построена двухэтажная холодная варница³⁵, у Козьмы Липина в доме находился стряпильный покой³⁶, а Яхья Ягоферов приделал к сеням дощатую летнюю кухню³⁷. Выделение зоны для частной жизни мы встречаем только у Липина; одна из комнат в его доме на втором этаже именована спальней³⁸. Однако, мы можем наблюдать начало процесса функционального разделения пространства. Как было упомянуто выше, в мещанских домах много внутренних перегородок, комнат, закутков, но их предназначение еще не зафиксировано в однозначных смысловых определениях.

Пищу готовили в печах – везде упоминаются кирпичные стряпильные печи, а у Ягоферова еще и с двумя вмазанными в них котлами. Отопление практически везде было представлено голландскими изразцовыми печами, которых иногда было по несколько в доме; только у Гавриила Петрова стояла русская печь. Изразцовая печь была важным

³² Рабинович М.Г. Указ соч. С. 119.

³³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С.4.

³⁴ Цивьян Т. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т.10. С.65.

³⁵ НАРГ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 553. Л. 115.

³⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 21. Л. 30

³⁷ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 110б.

³⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 21. Л. 30



элементом модного украшения интерьера, и в изучаемый период она была уже не только у богатых горожан, но и у мещан среднего достатка³⁹. А вот собственных источников питьевой воды в описанных домовладениях не было ни у кого, кроме Ивойловой, которая пользовалась вырытым во дворе колодцем. Это было существенным признаком высокого качества жизни, поскольку проблема чистой питьевой воды была одной из острых в Казани. Жители города брали воду из Волги, которая отстояла от города на шесть верст, что делало доставку воды довольно затруднительной. Как отмечал живший в Казани в 1825 г. И.И. Лажечников, «остается казанцам довольствоваться водой из озера Кабан, где летом купают лошадей и куда зимой свозят всякую нечистоту. Как здорова она, можно судить по зеленым шапкам, всплывающим на ней, когда ее кипятят, и по роям зеленых букашек, появляющихся в ней, когда она постоит в сосуде хотя четверть часа». Эту воду по казанским улицам развозили водовозы – непреходящий атрибут повседневной жизни горожан⁴⁰. Но даже колодезная вода была невысокого качества, грязная и с большим количеством известковых примесей⁴¹.

Важным аспектом бытовой повседневности являются санитарные удобства. Так же, как появление нижнего белья является признаком обособления скрытой от всех глаз сферы интимности, так и «нужное место» – сфера деликатной приватности. Большинство описанных домовладений традиционно вообще не имело предназначенных для этого строений, что свидетельствует об известной архаичности бытового поведения мещан. Но и в этом аспекте повседневной жизни появляются перемены: в описанных домовладениях отмечен нужник при сенях у Ягоферова, а у Ивойловой – целых два «нужных места», одно деревянное дощатое, а другое капитальное каменное.

Таким образом, исследуя мещанский дом как структуру повседневности, мы наблюдаем противоречивые явления. С одной стороны, дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Дом отгораживал мещанина от внешнего мира, был средоточием одновременно частной жизни и хозяйственной деятельности, приватная сфера повседневной жизни еще не выделена особой зоной. Одновременно очевидны новые веяния: жизнь мещанина становится более открытой, и уже далеко не все жизненные процессы протекают строго внутри дома. Житейская функциональность соседствует с модными веяниями и эстетическими запросами, начинается обособление частной жизни и осознание ее значимости. Мещанский дом постепенно приближается к дому горожанина индустриальной эпохи.

THE HOUSE AS A STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE KAZAN PETTY BOURGEOISIE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Article is devoted to studying of the house of the Kazan petty bourgeois as habitat in which daily vital practitioners were implemented. The analysis of a material environment of the Kazan narrow-mindedness allows to study household behavior as the sphere of an embodiment of the cultural codes reflecting norms and values of this estate. The separate attention is paid to a question of crossing of private and public aspects of life of the citizen of prereform Russia which is reflected in structure of house space. Research of a petty-bourgeois household as structures of daily occurrence shows that the house bears the meanings reflecting perception of the world, characteristic for traditional preindustrial societies. The new trends which are gradually approaching the petty-bourgeois house to the house of the citizen of an industrial era are at the same time observed.

Keywords: narrow-mindedness, daily occurrence, way of life, household, private and public life.

T.V. BESSONOVA

*Naberezhnye Chelny Institute
of Kazan Federal University*

e-mail: bessonovav@list.ru

³⁹ Рабинович М.Г. Указ соч. С. 114.

⁴⁰ Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 493.

⁴¹ Вишленкова Е.А. Указ соч. С. 89.